

Научная статья

УДК 811.512.5, 811.512.3

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-63-76

Оленеводческая лексика якутского языка (сравнительно-сопоставительный аспект)

Данилова Надежда Ивановна¹
Дьячковский Федор Николаевич²

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН
Якутск, Россия

¹nadiv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448> 2

²fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

Аннотация

В статье дается семантический анализ слов, входящих в тематическую группу лексики якутского языка «Половозрастные наименования оленя», в сопоставлении с материалом тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских языков. Выделяется два способа обозначения половозрастной характеристики оленя: гетеронимия (или лексический супплетивизм – *ньуобурхана* ‘четырёхгодовалая важенка’ и т. д.) – этот способ распространён в тунгусо-маньчжурской лексике анализируемой тематической группы; во втором способе формирования слов, известном как лексико-синтаксический, используются сочетания из двух и более слов: *буур таба* ‘олень самец’, *тыһы таба* ‘самка оленя’ и т. д. Эти сочетания имеют общее происхождение в тюркских языках и широко используются в литературном якутском языке. Употребление дополнительных лексем-разграничителей *тыһы* ‘самка’, *атыыр* ‘самец’ (*тыһы үөһэс* ‘олень-самка трех лет’, *атыыр таба* ‘олень-самец’) характерны для якутского языка.

Анализ позволил установить сходство и различия в значениях каждой из рассматриваемых лексических единиц в разных языках алтайской классификационной группы. Установлено, что общее родовое наименование оленя, обозначение его пола и детеныша имеют тюркское происхождение, отмечаются также общеалтайские основы. Возрастные обозначения самца и самки оленя в говорах якутского языка в основном имеют диалектное употребление и сопоставимы с эвенкийскими и эвенскими наименованиями.

Ключевые слова

олeneводческая лексика, якутский язык, тунгусо-маньчжурские и монгольские языки, номинативная единица, семантика.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

Для цитирования

Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н. Оленеводческая лексика якутского языка (сравнительно-сопоставительный аспект) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2. С. 63–76. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-63-76

Yakut Reindeer Breeding Vocabulary (a contrastive aspect)

Nadezhda I. Danilova¹, Fedor N. Diachkovskiy²

Institute of Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Yakut Scientific Center SB RAS
Yakutsk, Russian Federation

¹nadiv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448>

²fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

Abstract

The paper presents a semantic analysis of the Yakut lexemes expressing reindeers of a certain sex and/or age as compared to the corresponding lexemes in Turkic, Tungusic, and Mongolic languages. The study is based on explanatory, bilingual, and etymological dictionaries of the languages of interest. Descriptive, comparative, and contrastive methods as well as purposive sampling were used. Our research shows that there are two main ways to express a reindeer's sex and age; one of them is heteronymy, or lexical suppletion, e.g. *ньуоьурухана* 'a four-year-old doe'. This method is characteristic of the respective vocabulary in Tungusic languages. The second method of word formation, known as lexical-syntactic, uses combinations of two or more words: *буур таба* 'male deer', *тыһы таба* 'female deer', etc. These combinations have a common origin in Turkic languages and are widely used in the literary Yakut language. The Yakut language uses composite words including the stems meaning 'male' or 'female' as their first parts; e.g. *тыһы* 'female', *атыыр* 'male' (*тыһы үөнэс* 'a three-year-old female reindeer', *атыыр таба* 'a male reindeer'). Our analysis has revealed semantic similarities and differences of each lexical unit with the meaning 'a reindeer of a certain age or sex' in different Altaic languages. It has turned out that the names of a reindeer's sex, as well as those used for young animals are of Turkic origin. We have also found some common Altaic stems. Specified age names of male and female reindeers in Yakut dialects are usually regionally restricted and are often words borrowed from Evenki or Even. Further research may involve other Turkic and Mongolic languages in order to study the reindeer vocabulary in both historical and typological perspectives.

Keywords

Reindeer breeding vocabulary, Yakut language, Tungusic and Mongolic languages, reindeer's age and gender names, semantics

Funding

The study is a part of the project No. 22-18-00060 "Study of Turkic and Mongolic vocabulary of material culture related to traditional animal husbandry" funded by the Russian Research Fund.

For citation

Danilova N. I., Diachkovskiy F. N. Yakut reindeer breeding vocabulary (a contrastive aspect). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 63–76. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-63-76

Введение

Оленеводство занимает значимое место в традиционном хозяйстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов. Этот вид хозяйствования характерен, прежде всего, для коренного населения северных территорий с соответствующими природными условиями. Идеальные условия для разведения домашнего оленя существуют в горно-таежном массиве Саянского нагорья, этим видом хозяйственной деятельности «традиционно занимались различные тюркские и монгольские народы, проживающие на данной территории» [Рассадин, 2018. С. 136]. Что касается собственно якутов, то разведение оленя характерно для жителей северных регионов республики. Это дало возможность выдающемуся якутскому этнографу, историку и фольклористу Г. В. Ксенофонтову высказать мысль о существовании «северных, или оленных, якутов» [Ксенофонтов, 1992. С. 274].

Традиционное занятие оленеводством, во многом служившее источником их жизни, послужило причиной формирования в языках этих народов внушительного списка разветвленной лексики соответствующей тематики, образующей отдельную лексико-семантическую группу. А. Н. Мыреева, посвятившая специальную работу лексике растительного и животного мира эвенкийского языка, отметила, что здесь «лексика, связанная с оленем, получила такие

разнообразные формы, каких не найдешь в других языках северных народов» [Мыреева, 2001. С. 12]. Как отмечают другие исследователи, «все слова оленеводческой лексики эвенкийского языка являются тематически близкими и объединены общей семантикой» [Ушницкая, 2021. С. 68]. Исследователь лексики говоров эвенского языка Х. И. Дуткин указал на слабую изученность этой группы лексики в тунгусо-маньчжурских языках в целом и выразил свою убежденность в том, что «этот сюжет – один из узловых в современной эвенской лексикографии (словаря)» [Дуткин, 1990. С. 7]. В составленном им по тематическому принципу эвенско-русском словаре «термины оленеводства и слова-названия, связанные с оленеводством, подразделены на 15 лексико-семантических (тематических) микросистем (групп), которые в свою очередь делятся на множество мелких групп» [Там же]. Богатство лексики данной тематической группы в тюркских и монгольских языках убедительно продемонстрировал В. И. Рассадин [Рассадин, 2015, 2017].

Оленеводческая лексика, заимствованная из эвенкийского и эвенского языков, занимает значительное место в словарном составе северных говоров якутского языка. В составленном Г. В. Ксенофонтовым «Словаре особенных слов (провинциализмов) в говоре якутов-олeneводов» приведено множество лексем тунгусского происхождения, относящихся к оленеводству, с указанием сравнительного материала: «*абылакаан** – название оленя-самца на втором году. У тунгусов конд., илимп. – *авалакаан*, у тутур. – *авлакан* (Титов), у аян.-н. – то же (с. 297), *элик* – дикий олень. У урянхайцев «элик» – дикий козел, коза. (Катанов. С. 302)» [Ксенофонов, 1992. С. 287]. Лексика данной тематической группы широко привлекается для анализа диалектной лексики якутского языка. Так, в монографии якутского диалектолога М. С. Воронкина говорится: «Северо-западная группа говоров якутского языка» в качестве лексической особенности изучаемой зоны, например: *амархана* ‘олень-бык от 5 лет и старше’, *нымархана* ‘четырёхгодовалый олень-самец’, *абылахаан//абалакаан* ‘олень в возрасте до года» [Воронкин, 1984. С. 172]. Эвенкийская оленеводческая лексика отмечена и в исследовании Е. И. Коркиной по северо-восточной диалектной зоне якутского языка: «*кыыча*, *кыычча* (инд., ойм., верх., у.-ян.) ‘двухгодовалая самка оленя, лось’, *уөнэс* (инд., ойм., верх., у.-ян.) ‘трехгодовалый олень, лось» [Коркина, 1992. С. 71]. С. А. Иванов в исследовании по лексическим особенностям говоров якутского языка привел «свыше десяти диалектального характера наименований северного оленя» [Иванов, 2017. С. 241]. Существенно, что в якутских говорах «все наименования северного оленя имеют происхождение преимущественно эвфемистического характера и образованы на почве самого якутского языка, что свидетельствует о том, что для саха северный олень – один из важных объектов охоты» [Там же]. В литературном якутском языке используется ограниченное количество слов с прямым номинативным значением, они известны всем носителям и широко употребляются. При этом, как отметил С. А. Иванов, «основные термины оленеводства *таба* ‘олень’, *буур* ‘олень-самец’, *тугут* ‘олёнок до года’, *атыыр таба* ‘самец нехолощенный’, *тыһы таба* ‘важенка’ являются словами тюркского происхождения» [Иванов, 2017. С. 45].

В составе оленеводческой лексики в говорах якутского языка исследователи отмечают также и термины, сопоставимые с монгольскими. Эта группа слов получила сравнительный анализ в исследовании Н. К. Антонова «Материалы по исторической лексике якутского языка (именные основы)». Основной вывод автора состоял в том, что «в якутских терминах оленеводства, в отличие от терминов скотоводства, почти отсутствуют слова монгольского происхождения. В этом они сходны с терминами коневодства, среди которых слова монгольского происхождения встречаются также редко. По-видимому, это было обусловлено тем, что оленеводство якуты осваивали, находясь вне сферы влияния монгольского оленеводства, т. е. до соприкосновения с монгольскими племенами» [Антонов, 1971. С. 65].

Список диалектных слов, относящихся к оленеводству и имеющих монгольские параллели, представлен в диссертационной работе А. Е. Шамаевой «Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка» (2012). Якутско-монгольские лексические параллели или заимство-

вания в говорах якутского языка отмечены и другими диалектологами. Например, Е. И. Коркина в результате исследования северо-восточной диалектной зоны якутского языка установила, что «в числе диалектных слов, неизвестных в литературном языке, оказалось довольно значительное количество монгольских лексических заимствований» [Коркина, 1992. С. 258–259].

Материалы и методы исследования. Целью данной статьи является выявление и сопоставление с материалом тунгусо-маньчжурских и монгольских языков якутской лексики, относящейся к тематической группе (далее – ТГ) «Половозрастные наименования оленя». Материалом исследования послужили языковые единицы, извлеченные методом сплошной выборки из обширной лексикографической литературы: «Словарь якутского языка» [Пекарский, 1958, 1959], «Большой толковый словарь якутского языка» [БТСЯЯ, 2004–2018], «Диалектологический словарь якутского языка» [ДСЯЯ, 1976], «Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том» [ДСЯС, 1995], «An Etymological Dictionary of Altaic Language» [EDAL, 2003], «Этимологический словарь тюркских языков» (1978, 2000), «Этимологический словарь якутского языка» [ЭСЯЯ, 2003], «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю» [ССТМЯ, 1975, 1977], «Большой академический монгольско-русский словарь» [БАМРС, 2001, 2002], «Бурятско-русский словарь» [БРС, 2008]. Был привлечен также материал исследований по соответствующей тематике.

В работе используются следующие методы: сбор, классификация и систематизация лексического материала, синхронный сравнительный анализ исследуемого лингвистического материала.

Исследование и результаты. Собранный материал можно разделить по следующим тематическим группам.

Общее родовое наименование оленя. Словари якутского языка в качестве основной номинативной единицы со значением ‘олень’ приводят слово *таба*, которое используется в литературном языке. В Словаре Э. К. Пекарского данное слово получило следующее объяснение: «олень, елень (ср. *älik*); северный олень; домашний олень = *сүөсү таба, омук сүөсүтэ*» [Пекарский, 1959. Стлб. 2509]. Большой толковый словарь якутского языка сравнивает это слово с др.-тюрк. *тевэ* ‘верблюды’, нан. *тоок* ‘олень’, монг. *токи* ‘лось’ [БТСЯЯ, 2013. С. 109].

В тюркских языках однокоренное с якутским *таба* ‘олень’ слово имеет значение *верблюды* и в «СИГТЯ. Лексика» рассмотрено в соответствующем разделе «Животноводство. Верблюды» [СИГТЯ, 2001. С. 445]. Якутское *таба* ‘олень’ Этимологический словарь алтайских языков возводит к «РTurk.**debe* camel (верблюды)» [EDAL, 2003. С. 1424]. Появление значения ‘олень’ (иногда – ‘лось’) в якутском языке стало итогом семантического развития общетюркской основы. Современным якутам известна также основа *тэбиэн* в значении ‘верблюды’, которая в сравнительно-исторических исследованиях определяется как восходящая к монгольской [СИГТЯ, 2001. С. 445]. А. М. Щербак также для сравнения с тюркским *tāvā* ‘верблюды’ привел «монг. *тэмэ(н)*, маньчж. *тэмэн*, *тэмун*, тунг. *тэмэгэн*, *тэмэн*, *тэвён*» [Щербак, 1961. С. 103]. Интересно, что А. А. Бурыкин сравнивает эту же основу «с материалом образцов малого чжурчжэньского письма и маньчжурского языка: *t'eh-'oh*, *tebe* ‘верблюды’, ср. ма. *тэмэн* ‘верблюды’, + п.-монг. *temege(n)* ‘верблюды’, др.-тюрк. *tebe*, *teve* ‘верблюды’» [Бурыкин, 2003. С. 39]. Эта основа в том же значении *верблюды* употребительно в современных монгольских языках в варианте *тэмээ(н)* [БАМРС, 2001. С. 695; БРС, 1973. С. 553].

Что касается якутского слова *таба*, А. М. Щербак справедливо полагал, что «в якутском у генуинного слова, получившего велярную огласовку *taba* (как это фиксируется в ряде якутских слов), значение сместилось на ‘лось’, а *täbiän* ‘верблюды’ – монгольское заимствование» [по: СИГТЯ, 2001. С. 445].

Подобные случаи семантического развития основы слова якутский исследователь Н. К. Антонов считает переносом названия: «перенос названия одного животного на другое в якутском языке обычен. Это было обусловлено, как известно, переменой места жительства якутов со степного юга на таежный север. Перенесенными являются, например, названия степной лисы

корсак на песца – *кырса*, название степной антилопы *джээрэн* на птицу *дьиэрэн* – кроншнеп, заимствованное монгольское название свиньи *гахай* на льва – *хахай* и т. п. Поэтому вполне естествен и перенос названия верблюда на олень – *таба*. Сказанное подтверждают и другие якутские исконные термины оленеводства, имеющие параллели в тех же тюркских терминах верблюдоводства и овцеводства» [Антонов, 1971. С. 58].

Система половозрастных наименований оленя в якутском языке довольно обширна, а обозначение пола оленя, как и многих других животных, передается употреблением дополнительных лексем-разграничителей: *атыыр* ‘самец’ и *тыһы* ‘самка’. В качестве первого номинативного слова *атыыр* Большой толковый словарь якутского языка приводит значение ‘жеребец’, а второе значение определено как ‘способный оплодотворить’ [БТСЯЯ, 2004. Т. I. С. 663]. Этимологический словарь якутского языка после первого номинативного значения слова *атыыр* ‘жеребец’ приводит ‘олений бык’. В данном словаре отмечено, что якутское *атыыр* «обычно сопоставляется с тюрк. *айгыр*, *азгыр*, *асхыр*, *адгыр* и т. д. ‘жеребец’ и возводится к корню **ай* ~ *аз* ~ *ад* ‘возбуждаться (похотью)’, ‘покрывать (о животных)’+ *-кыр*, *-быр* (аффикс носителя процесса)» [ЭСЯЯ, 2003. С. 98].

В якутском языке в значении ‘самец оленя или лося (старше пяти лет)’ известно слово *буур*, которое Э. К. Пекарский объясняет как «самец (олень, сохатый, дикий баран); холощенный самец-олень с 5-го года, бык; самый старый и большой олень или сохатый» [Пек, 1958. Т. I. С. 564]. В современном словаре это слово представлено в толковании «самец оленя или лося (старше пяти лет)» и для сравнения приведены тюрк. *бур*, *бугра* [БТСЯЯ, 2005. Т. II. С. 599].

Как свидетельствует «Этимологический словарь тюркских языков», многим тюркским языкам известны основы I. *бугра/бугра*; II. *бугур/бугур*; III. *бу:ржун* / *бу:ргун* с основными номинативными значениями ‘верблюд-самец; молодой верблюд-самец, созревший для случки’ [ЭСТЯ, 1978. С. 235]. Среди производных в данном словаре отмечены приведенные Э. К. Пекарским якутские «самец (олень, сохатый, дикий баран); самый старый и большой олень или сохатый; холощенный самец-олень на пятом году; бык» [ЭСТЯ, 1978. С. 236]. Здесь же указано, что «лексические основы рубрики III -*бу:ржун* и др. – уменьшительные формы (с которыми гармонирует также значение ‘молодой верблюд’ и т. д.) с афф. *-чын*» [Там же]. Лексема *буур* в значении ‘верблюд-производитель’ известна и в халха-монгольском [БАМРС, 2001. С. 436].

Этимологический словарь алтайских языков возводит якутское *буур* ‘самец северного оленя, самец’ к общеалтайской основе со значением ‘олень (самец)’ и к **PTurk. *bugu, -ra* 1. deer (male) 2. camelstallion (1 олень 2 самец верблюда)» [EDAL, 2003. С. 1102]. Тюркская основа **bugu*, приводимая в EDAL, как свидетельствует «СИГТЯ. Лексика», зафиксирована в материалах среднеуйгурского, чагатайского и многих современных тюркских языков. Значение ее объясняется как «олень – во всех источниках, самец оленя – чаг., ног, ккалп., кирг.» [СИГТЯ, 2001. С. 152]. Здесь высказано предположение, что данное слово, «судя по поздней фиксации и ограниченному употреблению, скорее, ранний монголизм» [Там же]. О связи тюркского *biqa* с монгольским писал В. И. Рассадин: «Бык-производитель крупного рогатого скота в халха-монгольском языке носит название *бух* (ср. бур. *буха*, калм. *бух* id.), которое в старо-монгольском письменном языке зафиксировано в виде *biqa*. С этим монгольским словом следует сравнить др.-тюрк. *biqa* «бык-производитель» [Рассадин, 2015. С. 108]. А. М. Щербак тюркскую основу *biqa* в значении ‘бык-производитель’ также сравнил с п.-монг. и др.-монг. *biqa* и эвенк. *бука* [Щербак, 1961. С. 28], т. е. она сопоставима не только с монгольской. Но авторы EDAL, кажется, справедливо допускают обратное заимствование из тюркских языков в монгольские [EDAL, 2003. С. 1103].

Словари якутского языка приводят однокоренную с тюркской *bugu/biqa* основу *буѳа* в значении ‘бык, бык-производитель’. В языке современных якутов оно малоизвестно, поэтому БТСЯЯ дает ее с пометой *устаревшее* [БТСЯЯ, 2005. Т. II. С. 476]. Г. В. Попов возвел ее «к общеалтайскому слову» [ЭСЯЯ, 2003. С. 153]. Интересно, что данная основа в варианте *бузу* со значением ‘изюбр-самец’ зафиксирована в бодайбинском говоре якутского языка (это южный

говор). ДСЯС для сравнения с этим словом приводит монг. *буга* ‘олень, изюбр’ [ДСЯС, 1995. С. 53]. Значение *изюбр* в говоре якутского языка, скорее всего, попало из тунгусских языков. Свидетельством этому может служить материал ССТМЯ, в котором слово *бууу* приведено со значением ‘изюбр’. Словарь сравнивает его с «п.-монг. *бууи* ‘изюбр’, монг. *буга* ‘олень, изюбр’, бур. *буга* ‘изюбр’» [ССТМЯ, 1975. I. С. 102]. Примечательно, что здесь приводится также слово *бука*, содержащее среди прочих значение ‘пороз (олень-производитель)’ [Там же. С. 103]. Однокоренная с *bugu/buqa* основа в современном монгольском употребляется в значениях ‘олень, изюбр, марал’ [БАМРС, 2001. I. С. 417]. Судя по словарной статье, при помощи дополнительных лексем в языке монголов отмечаются многочисленные половозрастные характеристики оленя.

По поводу якутских слов *буур* и *буба*, скорее всего, производных от РTurk. **bugu, -ra* в значениях ‘самец оленя или лося; бык’ и ‘бык, бык-производитель’ можно допустить, что это результат семантического развития приводимой в EDAL пратюркской основы. Она в древнетюркском языке уже была представлена в двух значениях – «*бууга* ‘верблюд-производитель’ и *бууи* ‘олень’» [ДТС, 1969. С. 120].

В якутском языке самец оленя, как и других домашних и диких животных, имеет обозначение *иргэх*, оно имеет ограниченное региональное употребление, поэтому считается диалектизмом [БТСЯЯ, 2006. С. 725]. Н. К. Антонов справедливо считает, что «оно параллельно общетюркскому *иргэх*, *эргэх* или *эркэк тэбэ* – самец верблюда» [Антонов, 1971. С. 58]. Действительно, ДТС приводит к слову *erkäk* второе его значение: «как компонент описательного обозначения пола: *erkäk junt* ‘конь’, *erkäk bozaıu* ‘бычок’, *erkäk oıul* ‘мальчик’, *erkäk böri* ‘волк’» [ДТС, 1969. С. 179]. Тунгусо-маньчжурским языкам оно также известно в значении ‘самец и кастрированный самец’: «*иргэх* ‘самец домашних и диких животных (олень и лошади)’; ‘кастрированный баран’; п.-монг. *irge* ‘кастрированный баран’, монг. ‘кастрированный взрослый баран’» [ССТМЯ, 1975. С. 326]. Действительно, современный монгольский язык располагает словом *ирэг* в том же значении ‘кастрированный взрослый баран, валух’ [БАМРС, 2001. II. С. 156].

Возрастные обозначения самца и самки оленя в говорах якутского языка в основном имеют диалектное употребление и сопоставимы с эвенкийскими и эвенскими наименованиями. Поскольку основное хозяйственное занятие этого этноса было напрямую связано с природным, в том числе животным окружением, «половозрастные характеристики животных в языке эвенков получили широкое развитие» [Мыреева, 2001. С. 14]. Такая же ситуация наблюдается и в эвенском языке, где, «как и в других языках малочисленных народов Севера, существует такой универсальный способ обозначения пола оленей, как гетеронимия по основным возрастным делениям» [Дуткин, 1990. С. 8]. Здесь автор имеет в виду, что при определении возраста оленя носители языка подразумевают и его половую характеристику.

В говорах якутского языка распространено слово *абылахаан* ‘олень-самец на втором году’, которое Большой толковый словарь сравнивает с эвенк. *авлакан* ‘олень-самец на втором году’ [БТСЯЯ, 2004. С. 237]. Диалектологический словарь приводит для сравнения эвенкийский и эвенский параллели: «‘олень-бык в возрасте до года’ //эвенк. *авлакан*, эвен. *авилакан*» [ДСЯЯ, 1976. С. 39]. Этимологический словарь якутского языка данное диалектное слово возводит к эвенкийскому: «*аабылахаан* ‘двухлетний олень-бык’ < эвенк. *авалаакаан* ‘олень-бык в возрасте до года’» [ЭСЯЯ, 2003. С. 57]. Сопоставимая с якутским диалектным словом *абылахаан* основа *авалākān* в значении ‘олень, олень домашний (бычок одного-двух лет)’ отмечена в эвенкийском и орокском языках [ССТМЯ, 1975. С. 36]. А. Н. Мыреева приводит слово *абалакан*, *авалакан*, *авлакана* в значениях 1) ‘оленок до года’; 2) ‘олень от одного года до полутора лет’ [Мыреева, 2001. С. 14], т. е., без указания на пол. Нужно отметить, что в словаре Х. И. Дуткина в значении двухлетний олень находим «*явкан* – самец двух лет; *мулкан* – домашний олень-самец двух лет» [Дуткин, 1990. С. 8]. Это, скорее всего, объясняется тем, что в основу данного издания был положен аллайховский говор эвенов Якутии.

Сопоставимо с материалом тунгусских языков также диалектное якутское слово *амаркана/амархана* ‘олень-самец четырех-пяти лет’. Якутские диалектологи сопоставляют его с эвенк. *амаркан* ‘олень-бык пяти лет и старше’; эвен. *амаркан* ‘домашний олень четырех-пяти лет’. Приводится также сравнение с юкагирским *амарканэл* ‘олень-самец пяти лет’ [ДСЯЯ, 1976. С. 45], в последний язык, скорее всего, тунгусо-маньчжурское *амаркән* попало через эвенский. В эвенско-русский словарь Х. И. Дуткина слово *амаркан* включено в значении ‘пятерик, олень-самец пяти лет’ [Дуткин, 1990. С. 8]. ССТМЯ для слова *амаркән* приводит значение ‘олень’ и возрастные обозначения ‘олень-бык пяти лет и старше’, ‘олень четырех-пяти лет’, ‘домашний олень’ из эвенк., эвен., негид. языков [ССТМЯ, 1975. С. 36].

Диалектным в якутском языке является слово *ньымархана* ‘четырёхгодовалый олень-самец’ // *ньамарбана* ‘трёхгодовалый олень’. Надо отметить, что в «Перечне слов эвенкийского происхождения в говорах якутов северо-западных и южных районов Якутии» слово *ньымаркан* ‘шестилетний олень’ соотнесено с *амаркана* [Романова, Мыреева, 1975. С. 173]. ДСЯЯ для семантического сопоставления с употребляемым в говорах *ньамарбана* ‘трёхгодовалый олень’ приводит эвенк. *негаркан* ‘трёхгодовалый олень-бык’ [ДСЯЯ, 1976. С. 181], его же находим в эвенкийско-русском словаре Г. М. Василевич в значении ‘трёхгодовалый олень’ [ЭРС, 1958. С. 285]. Эта же основа для обозначения другого возраста оленя существует в эвенк.: *нёгаркан*, *нёнгаркан* ‘четырёхгодовалый олень-бык’ [Мыреева, 2001. С. 15] и эвен.: *нёркан* ‘домашний олень-самец четырех лет’ [Дуткин, 1990. С. 8]. В говорах якутского языка известно также слово *муойка/муойкаа* ‘олень-самец второго года’ [БТСЯЯ 2009. С. 357]. Диалектологические словари представляют его в фонетических вариантах *муойка*, *муойкаа*, *нуойка*, *нуойкаа* и сопоставляют его с эвенк. *мойка* (годовалый дикий олень) [ДСЯС, 1995. С. 127], но дают в разных значениях: «олёнок до года; олень-самец второго года; годовалая самка оленя; годовалый теленок» [ДСЯЯ, 1976. С. 165]. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков зафиксировал основу *мōjka* ‘олень дикий’, которая известна в эвенкийском, нанайском, маньчжурском языках в значениях «олень дикий годовалый, зайчик; кабан (молодой); поросенок кабана» [ССТМЯ, 1975. С. 543]. Для сравнения приведена якутская основа *муойка* ‘пыжик по первому году, перезимовавший’ [Там же].

Тематическая группа лексики, обозначающей половозрастные наименования самца оленя, в северных говорах якутского языка в целом представлена большим количеством слов. Эта лексика употребляется для точного определения возраста животного. Например, ДСЯЯ приводит *дьэрин* ‘1) двухлетний самец дикого оленя; 2) трехлетний дикий олень по весне’ [ДСЯЯ 1976. С. 103], *муту* ‘олень-самец шести лет’ (ср. *муту* лось, эвенк. олень-самец четырех-пяти лет, *мучэрии* (олень 6 лет) [ССТМЯ, 1977. С. 561]. В БТСЯЯ отмечены *иктээнэ* ‘двух-трёхгодовалый олень-самец’, ср. эвенк. *иктээнэ*, *иктээнэ* [БТСЯЯ 2006. С. 604]. ССТМЯ к слову *иктээнэ* дает общее значение ‘олень и олень двух-трех лет’ из эвенк., эвен., нег., орок., ма. и приводит для сравнения як. *иктээнэ/үктээнэ* ‘олень-самец (трех-четырёх лет)’ [ССТМЯ, 1975. С. 301]. В группе лексики, обозначающей самца оленя, отмечаются также *иитээн* олень-самец трех лет эвенк. *иитэн*, эвен. *иитэн* [ДСЯЯ, 1976. С. 106], *бүүчээр/мүүчээр/мүүчээрэ* диал. ‘олень шести и старше лет’ эвенк. ‘олень шести лет; олень-самец шести лет’ [ДСЯЯ, 1976. С. 168], *дьэрин* ‘1) двухлетний самец дикого оленя; 2) трехлетний дикий олень по весне’ [ДСЯЯ, 1976. С. 103], *күөрбэ/күөрбээннэ* ‘олень-самец’, которое также сопоставляется с эвенк. *корбэ//корбэнгэ* ‘бык, самец домашнего оленя, лося’ [ДСЯЯ, 1976. С. 132]. ДСЯЯ приводит также якут. *үөнгэс* ‘трехлетний олень-самец или самец-лося’.

Для обозначения самки оленя в якутском литературном языке употребляется сочетание *тыһы таба*, в котором *тыһы* ‘самка’ – общетюркская основа, которая известна в тюркских языках, начиная с древнетюркского: «*tiši* ‘женщина’ *tišikiši* ‘женщина’» [ДТС, 1968. С. 36]. EDAL возводит якутское *тыһы* ‘самка’ к «PTurk. **dili* 1 female 2 woman (1 самка 2 женщина)» [EDAL, 2003. С. 1363].

Носителям говоров известно также слово *кыыча//кыычча* со значением ‘самка оленя двух лет’; ‘самка оленя двух или четырех лет’ [ДСЯЯ. 1976, С. 142]. В Словаре Э. К. Пекарского приведено слово «*кыычар* ‘маленький; средний, низкий рост’; *кыычар сүөсү* ‘малорослая скотина’; *кыычар уңуохтаах киси* ‘низкого роста человек’» [Пек., 1959. С. 1453]. БТСЯЯ дает вариант *кыычча* в следующем толковании: «*диал.* двухлетняя самка оленя» [БТСЯЯ, 2008. С. 437]. Это слово в значении *маленький*, видимо, можно сопоставить с тюркским *қісір* «бесплодный (о человеке и скоте), яловый (о скоте), женщина, не рожавшая детей, яловая самка животного» [Щербак, 1961. С. 90]. Значение *маленький* диалектного якутского слова *кыычар//кыыча//кыычча*, очевидно, является развитием значения ‘молодой, еще не рожавший’. Обоснованием может служить словарная статья *кысыр* в ЭСТЯ, в которой зафиксированы значения «1. Бесплодный, 2. Не приносящий плодов, пустой; 3. Пустой» [ЭСТЯ, 2000. С. 250]. По предположению А. М. Щербака, слово восходит к монг. *keüser* ‘бесплодная’ [Щербак, 1961. С. 90]. Следует добавить, что производной формой общетюркской основы *кысыр* является также «*кытарах* со значениями ‘яловая, нетельная, нежеребая’» [ЭСТЯ, 2000. С. 251]. Видно, что в якутском языке в целом сохранились как первичная, так и производная основы слова в сопоставимых значениях.

В говорах тематическая группа слов, обозначающих самку оленя, обогащена за счет эвенкизмов, уточняющих возраст: *ньуобурхана* ‘четырёхгодовалая важенка’ [ДСЯЯ, 1976. С. 180], *сатты//сарты//һатты* ‘самка оленя трех лет’ [ДСЯЯ, 1976. С. 204], *сачары//сачарыы//һачарыы* ‘важенка по второму году’ ср. эвенк. *сачари* ‘двухгодовалая важенка’ [ДСЯЯ 1976. С. 205]. А. Н. Мыреева привела эту основу в вариантах *сачари*, *һачари*, *чачари* в том же значении [Мыреева, 2001. С. 14]. Она известна и в других тунгусо-маньчжурских языках: «эвенк. *сачари*, эвен. *һатти* ‘самка домашнего оленя одного-двух лет’, орок. ‘важенка (самка оленя одного-двух лет)’ [ССТМЯ, 1975. С. 68].

Для народов, традиционным занятием которых является оленеводство, важную роль играет способность/неспособность этого животного к производству потомства.

Название холощеного оленя *ахтамии/актами* ‘олень, холощенный в старшем возрасте’ [ДСЯЯ, 1976. С. 54]. ДСЯЯ отсылает к эвенк. *актами* ‘холостить’ от *акта* ‘кастрировать оленя’. ССТМЯ дает основу *акта*- ‘кастрировать оленя’, она отмечена в эвенк., эвен., нег., орок., нан., ма., чж. Для сравнения приводится п.-монг. *ayta* со значениями 1. мерин 2. кастрированный; др.-тюрк. *at* ‘лошадь’, як. *am* ‘кастрированный’, *am обус* ‘вол’, *аттаа* ‘кастрировать’, *аттакы/аттыкы* ‘кастрированный’ [ССТМЯ, 1975. С. 28]. А. М. Щербак тюрк. *акта*, *алаша* ‘мерин, холощенный конь’ сравнивает с монг. *агт(а) мори(н)*; маньч. *акта морин*; тунг. *акта мурин*. Здесь отмечено присутствие слова *акта* в ряде тюркских языков и приводится высказывание П. Мелиоранского о его возможном персидском происхождении [Щербак, 1961. С. 86]. В EDAL эта основа трактуется как тюрко-монгольская изоглосса: «PMong. *akta castrated (кастрированный): PTurk. *atana castrated camel (кастрированный верблюд). Yak. at ‘castrated’, attā- ‘to castrate’ – homonymous with at ‘horse’, which is probably a secondary merger (the two roots obviously are to be kept separate). I ATurk.-Mong. Isogloss» [EDAL С. 280]. В ДСЯЯ отмечено также слово *чоноку* ‘холощенный двухгодовалый олень-самец’ [ДСЯЯ 1976. С. 299].

В отношении самки оленя носители языка также отмечают ее неспособность к производству потомства. К словам со значением *бесплодная яловая важенка* относится *амыра* (в.-кол.) ‘бесплодная яловая’. Это слово в говорах якутского языка применяется также и в отношении к корове: *амыра ынах* (бесплодная корова, яловая корова). ДСЯЯ сравнивает его с п.-монг. *amiraqi* ‘отдыхать (после утомления)’ [ДСЯЯ, 1976. С. 46]. А. Е. Шамаева привела также в сравнение с этим словом ср.-монг. *атиқи* ‘отдохнуть’ [Шамаева, 2012. С. 16]. Действительно, в современном монгольском языке употребляется глагол *амрах* 1) отдыхать; передохнуть [БАМРС, 2001. С. 228]. Но приводимая А. Е. Шамаевой основа, скорее всего, сопоставима с «PMong. *amu-, *ami- 1) to rest, 2) peace, rest, 3) to be/ become quiet, 4) life, soul (1) покоиться,

отдыхать, 2) покой, мир, 3) успокаиваться, 4) жизнь, душа)», с этой основой EDAL сравнивает якутское слово *амарах* ‘сострадательный’ [EDAL, 2003. С. 298].

В говорах якутского языка известно также слово *дулангы* ‘яловая важенка (олень)’, сопоставленное в словаре с эвенк. *дулак*, *дулан* ‘яловая важенка’ [ДСЯЯ, 1976. С. 89]. ССТМЯ приводит также общую основу: «т.-м. *дуулабы*, эвенк. яловая (о важенке оленя)» [ССТМЯ, 1975. Т. I. С. 221]. БТСЯЯ указывает на наличие слова *маангаан* ‘бесплодная самка оленя, важенка’ с пометой *диал.* В качестве переносного его значения приведено ‘бесплодная женщина’ [БТСЯЯ, 2009. С. 180], что может свидетельствовать о широком распространении основы. Интересно, что БТСЯЯ сравнивает это слово с «эвенк. фольк. *манган* ‘крылатый верховой олень’» [Там же].

В современных говорах якутского языка для выражения неспособности оленя к воспроизводству употребляются сочетания с основами *байтаһын* и *кытарах*: *байтаһын таба* ‘прогулявший олень’, *кытарах таба* ‘яловая важенка’. Словари якутского языка объясняют слово *кытарах* как яловый. БТСЯЯ сравнивает его с тюркскими основами: «кирг., тув. *кызырак* ‘молодая кобылица (еще не жеребившаяся)’» [БТСЯЯ, 2008. С. 388–389]. К якутскому *кытараа* ‘стать стародойною, яловеть’ EDAL приводит монгольские и тюркские параллели [EDAL, 2003. С. 653]. Хорошо известное в литературном якутском слово *байтаһын* ‘откормленный, нагулявший жир за лето скот (или кобыла)’ [БТСЯЯ, 2005. С. 136] сравнимо с «PMong. **bajita-su farrow* (horse, cow) (яловая (кобыла, корова))» [EDAL, 2003. С. 336].

Общее название телёнка оленя в якутском языке – *тугут*. БТСЯЯ возводит его к «тюрк. *тоб*, *туг* ‘родиться, возникать, появляться’, монг. *тубул*, *тугал* ‘телёнок’, уйг. *тугутлук* ‘роженица’ [БТСЯЯ, 2014. С. 72]. Н. К. Антонов причисляет слово *тугут* к исконно тюркским и приводит параллели: «чагат. *тобыз* – дитя (Рсл. III-1164), бараб. *тоуш* – детеныш косули (Рсл. III-1165), казах., кирг. *токту* – ягненок в конце первого года (Рсл. III-155), осм. *токли* – овца трех месяцев (Рсл. III-1153), тув. *донбур* – оленёнок до 1 года и т. п.» [Антонов, 1971. С. 54]. Тюркское происхождение якутского слова *тугут* ‘телёнок оленя, оленёнок до года’ может подтвердить материал ДТС, где приводится основа «*toy-* ‘рождаться, возникать, появляться’» и производное от нее «*toqli* ‘шестимесячный ягненок, овца’» [ДТС, 1970. С. 577]. Монгольские словари отмечают сопоставимое с якутским *тугут* «*тугал* ‘телёнок (до года)’; *зааны тугал* амьт. ‘слонёнок’; *охин тугал* ‘тёлка’» [БАМРС, 2001. С. 355]. В БРС отмечено «*тугал* 1. Телёнок (детеныш коровы или некоторых животных), *орын тугал* оленёнок и т. д.» [БРС, 1973, 433]. В исследовании А. Е. Шамаевой слово *тугут* в значении ‘лосёнок’ приведено в списке «Монгольские параллели диалектных вариантов общек якутских слов» [Шамаева, 2012. С. 245]. В тематическую группу слов, обозначающих телёнка оленя, относятся также диалектные якутские слова со значением «олень-первогодок»: *атаах* ‘оленьёнок в первую зиму’, якут. // *тугут* монг. ‘телёнок’ [Васильев, 2007. С. 32], *өннөкө* ‘новорожденный теленок (олень) до осени’, *суонгаа* ‘новорожденный олененок, недоношенный олененок’, *ынаах* ‘оленьёнок до года; оленёнок в первую зиму’.

Помимо вышеназванных наименований, имеются лексические единицы, которые характеризуют оленей по их состоянию, нраву, функции: *абыла* ‘телёнок-недоносок оленя’, *күркү* ‘бродячий олень, оторвавшийся от стада’, *мааннык* ‘упрямый, плохо идущий (об олене)’, *нэкээ* ‘олень, не отходящий далеко от стада или от места пастбы’, *нылба* ‘родившийся раньше срока телёнок, недоносок, выкидыш’, *уучах* ‘верховой олень’, *ээни* диал. ‘олениха, отелившаяся в годовалом возрасте’ [Иванов, 2017. С. 10–97] и т. д. Большинство из них попало в разговоры якутского языка из эвенкийского и эвенского языков. Некоторые обозначения представляют собой якутские словосочетания, например: *көлүүр таба* ‘упряжной олень’, *ыанар таба* ‘дойная важенка (олень)’.

Заключение

Для обозначения различной характеристики оленя употребляется два способа: гетеронимия (или лексический супплетивизм – *ньуобурхана* ‘четырёхгодовалая важенка’ и т. д.) – этот способ, как видно из представленного в статье материала, распространен в собственно тунгусо-маньчжурской лексике анализируемой тематической группы. Это объясняется тем, что олень занимает главное место в жизни носителей данных языков. А другой способ представляет собой сочетание двух слов: *буур таба* ‘олень-самец’, *тыһы таба* ‘самка оленя’ и т. д., имеющих общетюркское происхождение, характерных для литературного якутского языка. Слова данной группы лексики характеризуют пол и возраст, способность к воспроизводству.

Рассматриваемая ТГ лексики в говорах якутского языка содержит значительное количество заимствований из тунгусо-маньчжурских языков, выявлены также монгольские параллели рассмотренной лексики. Дальнейшее изучение оленеводческой лексики представляет несомненный научный интерес в сравнительно-историческом, сравнительно-сопоставительном аспектах.

Список сокращений

аян.-н. – наречие аяно-нельканских тунгусов, бараб. – барабинский говор татарского языка, баш. – башкирский, бур. – бурятский; верх. – верхоянский говор якутского языка, в.-кол. – верхнеколымский говор якутского языка, гаг. – гагаузский, диал. – диалект, др.-монг. – древнемонгольский, др.-тюрк. – древнетюркский, др.-уйг. – древнеуйгурский, илимп. – наречие тунгусов Илимпейской тундры Туруханского края, инд. – индигирский говор якутского языка, казах. – казахский, калм. – калмыцкий; кирг. – киргизский, ккалп. – каракалпакский, конд. – наречие тунгусов кондагирского рода (верх. р. Ниж. Тунгуски), кум. – кумыкский, ма., маньч. – маньчжурский, монг. – монгольский, нег. – негидальский, ног. – ногойский, ойм. – оймяконский говор якутского языка, орок. – орокский язык, осм. – османский, п.-монг. – письменномонгольский, пратюрк. – пратюркский, ср.-монг. – среднемонгольский, ср. – сравни, ср.-уйг. – среднеуйгурский, тат. – татарский, тоф. – тофаларский, тув. – тувинский, т.-м. – тунгусо-маньчжурский, тунг. – тунгусский, тур. – турецкий, тутур. – наречие тутурских тунгусов (верхняя Лена), тюрк. – тюркский, уйг. – уйгурский, у.-ян. – усть-янский говор якутского языка, фольк. – фольклор, х.-монг. – халха-монгольский, чагат. – чагатайский, чж. – чжурчжэньский, эвенк. – эвенкийский, эвен. – эвенский, якут. – якутский.

Список литературы

- Антонов Н. К.** Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 174 с.
- Бурыкин А. А.** Некоторые замечания к проблеме тюркских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках и их значениях для сравнительно-исторической тюркологии и алтаистики // *Altaica* VIII. М., ИВ РАН, 2003. С. 38–48
- Воронкин М. С.** Северо-западная группа говоров якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1984. 221 с.
- Иванов С. А.** Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 992 с.
- Коркина Е. И.** Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992. 270 с.
- Мыреева А. Н.** Лексика эвенкийского языка: Растительный и животный мир. Новосибирск: Наука, 2001. 101 с.

- Ксенофонов Г. В.** Ураангхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. I. Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. 416 с.
- Попов Г. В.** Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (Сравнительно-историческое исследование). Якутск: Якутское книж. изд-во, 1986. 148 с.
- Рассадин В. И.** Тюрко-монгольские названия крупного и мелкого рогатого скота в халха-монгольском языке // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 107–111.
- Рассадин В. И.** Особенности оленеводства у народов Саянской горной страны в прошлом и настоящем // Вестник НГУ. Серия: История и филология. 2018. № 3: Археология и этнография. С. 136–141.
- Романова А. В., Мыреева А. Н., Барашков П. П.** Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. Л.: Наука, 1975. 211 с.
- СИГТЯ**, 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 821 с.
- Ушницкая Н. Ю.** Оленеводческая лексика каларских эвенков (по материалам экспедиции в Каларский район Забайкальского края) // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. Серия: Алтаистика. 2021, № 2. С. 65–76.
- Шамаева А. Е.** Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2012. 23 с.
- Щербак А. М.** Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82–172.
- Щербак А. М.** О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1966. №5. С. 21–35.

Источники

- БАМРС** – Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т.; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Ё–Ф. 440 с. М.: Academia, 2001.; Т. 4. Х–Я. 532 с. М.: Academia, 2002.
- БРС** – Бурятско-русский словарь; ред. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М., 2010, Т. I (А–Н), Т. II (О–Я) [электронный ресурс] <http://www.Monumentaaltaica.ru>
- БТСЯЯ** – Большой толковый словарь якутского языка. В 15 т. Новосибирск: Наука, 2004–2015. 575 с.
- Васильев Ю. И.** Якутско-монгольские лексические параллели. Словарь. Якутск, 2007. 38 с.
- ДСЯЯ I** – Диалектологический словарь якутского языка / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.
- ДСЯС II** – Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том / сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. 296 с.
- ДТС** – Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 677 с.
- Дуткин** – Дуткин Х. И. Тематический эвенско-русский словарь для оленеводов. Якутск, 1990. 47 с.
- Пек.** 1958, 1959 – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 1. – 1200 стб.; Т. 2. – 2010 стб.; Т. 3. – 3858 стб.
- ЭСЯЯ** – Попов В. Г. Этимологический словарь якутского языка. Ч. I: А–Дь. Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с.
- ССТМЯ** – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 673 с.; Т. 2. Л.: Наука, 1977. 992 с.

- ЭСТЯ I** – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. 768 с.
- ЭСТЯ II** – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – М.: Наука, 1978. 348 с.
- EDAL** – S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak An Etymological Dictionary of Altaic Language. 2003.

References

- Antonov N. K.** Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]. Yakutsk, Yakut book publishing house, 1971, 174 p. (in Russ.)
- Burykin A. A.** Nekotorye zamechaniya k probleme tyurkskikh zaimstvovaniy v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh i ikh znachenii dlya sravnitel'no-istoricheskoy tyurkologii i altaistiki [Some comments on the problem of Turkic borrowings in Tungusic languages and their significance for comparative historical Turkology and Altaic studies] // Altaica VIII. Moscow, IV RAS, 2003, pp. 38–48/ (in Russ.)
- Voronkin M. S.** Severo-zapadnaya gruppa govorov yakutskogo yazyka [North western group of dialects of the Yakut language]. Yakut book publishing house, 1984, 221 p. (in Russ.)
- Ivanov S. A.** Leksicheskie osobennosti govorov yakutskogo yazyka [Lexical features of subdialects of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka изд-во, 2017, 992 p. (in Russ.)
- Korkina E. I.** Severo-vostochnaya dialektная зона yakutskogo yazyka [North eastern dialect zone of the Yakut language. Novosibirsk, 1992. 270 p.]. Novosibirsk, 1992, 270 p. (in Russ.)
- Myreeva A. N.** Leksika evenkiyskogo yazyka: Rastitel'nyy i zhivotnyy mir [Vocabulary of the Evenki language: Plant and animal world]. Novosibirsk, Nauka publ., 2001, 101 p. (in Russ.)
- Ksenofontov G. V.** Uraangkhay sakhal. Ocherki po drevney istorii yakutov Uraanhaj sakhal. Essays on ancient history of the Yakut], vol. 1, book 1. Yakutsk, National publishing house of the Sakha Republic (Yakutia), 1992, 416 p. (in Russ.)
- Popov G. V.** Slova "neizvestnogo proiskhozhdeniya" yakutskogo yazyka (sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie) [Words of "unknown origin" of the Yakut language (comparative historical study)]. Yakutsk, Yakut book publishing house, 1986, 148 p. (in Russ.)
- Rassadin V. I.** Tyurko-mongol'skie nazvaniya krupnogo i melkogo rogatogo skota v khalkha-mongol'skom yazyke [Turkic-Mongolic names of cattle, sheep and goats in the Khalkha-Mongolian language]. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*, 2015, no. 3, pp. 107–111. (in Russ.)
- Rassadin I. V.** Osobennosti olenevodstva u narodov Sayanskoy gornoy strany v proshlom i nastoyaschem [Features of reindeer husbandry among the peoples of the Sayan mountains in the past and present]. *Bulletin of NSU. Series: History and Philology*, 2018, no. 3: Archeology and ethnography, pp. 136–141. (in Russ.)
- Romanova A. V., Myreeva A. N., Barashkov P. P.** Vzaimovliyanie evenkiyskogo i yakutskogo yazykov [Interaction of the Evenki and Yakut languages. Leningrad, Publishing house "Nauka", 1975, 211 p. (in Russ.)
- SIGTYa**, 2001 – Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov [Comparative-historical grammar of Turkic languages: Lexis]. Moscow, Nauka publ., 2001, 821 p. (in Russ.)
- Ushnitskaya N. Yu.** Olenevodcheskaya leksika kalarskikh evenkov (po materialam ekspeditsii v Kalarskiy rayon Zabaykal'skogo kraya) [Reindeer herding vocabulary of the Kalar Evenks (based on materials from an expedition to the Kalarsky district of the Trans-Baikal Territory)]. *Bulletin of NEFU named after. M. K. Ammosov. Altaistics series*, 2021, no. 2, pp. 65–76. (in Russ.)
- Shamaeva A. E.** Mongol'skie paralleli dialektной leksiki yakutskogo yazyka [Mongolian parallels of the dialect vocabulary of the Yakut language]. Abstract of Candidate of Sci. Diss., 2012, 23 p. (in Russ.)

- Shcherbak A. M.** Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov [Historical development of the vocabulary of Turkic languages]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961, pp. 82–172. (in Russ.)
- Shcherbak A.M.** O kharaktere leksicheskikh vzaimosvyazey tyurkskikh, mongol'skikh i tunguso-man'chzhurskikh languages [On the nature of lexical relationships between Turkic, Mongolian and Tungus-Manchu relationships]. *Questions of linguistics*, 1966, no. 5, pp. 21–35. (in Russ.)

Sources

- BAMRS** – Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar' [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In four volumes; Ed. in Chief G.Ts. Pyurbeev. Vol. 1. Moscow: Academia, 2001. 485 p. Vol. 2. 506 p. Vol.3. 437 p. Vol. 4. Moscow, Academia publ., 2002. 501 p. (in Russ.)
- BRS** – Buryatsko-russkiy slovar' [Buryat-Russian dictionary]; Ed. Shagdarov L. D., Cheremisov K. Moscow, 2010, Vol. I (A–N), Vol. II (O–Z) [electronic resource] <http://www.Monumentaaltaica.ru> (in Russ.)
- BTSYaYa** – Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. In 15 Vol. Novosibirsk, Nauka publ., 2004–2015, 575 p. (in Russ.)
- Vasil'ev Yu.I.** Yakutsko-mongol'skie leksicheskie paralleli [Yakut-Mongolian lexical parallels]. Dictionary. Yakutsk, 2007, 38 p.
- DSYaYa I** – Dialektologicheskiy slovar' yakutskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Yakut language]; Comp. P.S. Afanasiev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev. Moscow, Nauka publ., 1976, 392 p. (in Russ.)
- DSYaS II** – Dialektologicheskiy slovar' yazyka sakha: dopolnitel'nyy tom [Dialectological dictionary of the Sakha language. Additional volume]; Comp. M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Yu.I. Vasiliev. Novosibirsk, Nauka publ., 1995, 296 p. (in Russ.)
- DTS** – Drevnetyurkskiy slovar' [Old Turkic Dictionary]; Ed. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka publ., Leningrad branch, 1969, 677 p. (in Russ.)
- Dutkin** – Dutkin Kh.I. Tematicheskiy evensko-russkiy slovar' dlya olenevodov [Thematic Even-Russian dictionary for reindeer herders]. Yakutsk, 1990, 47 p. (in Russ.)
- Pekarskiy** 1958, 1959 – Pekarskiy E.K. Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language]. Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1959. Vol. 1, 1200 col.; Vol. 2, 2010 col.; Vol. 3, 3858 col. (in Russ.)
- SSTMYa** – Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov [Comparative dictionary of the Tungusic languages]; Ed. In Chief Tsintsius Vol. I. Leningrad: Nauka, 1975. 673 p.; Vol. 2. Leningrad, Nauka publ., 1977, 992 p. (in Russ.)
- ESTYa I** – Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic vowel bases]. Moscow, Nauka publ., 1974, 768 p. (in Russ.)
- ESTYa II** – Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «B» [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letter “B”]. Moscow, Nauka publ., 1978, 348 p. (in Russ.)
- Popov V. G.** Etimologicheskiy slovar' yakutskogo yazyka [Etymological dictionary of the Yakut language]. Part I: A–D. Novosibirsk, Nauka publ., 2003. 180 p. (in Russ.)
- EDAL** – S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak An Etymological Dictionary of Altaic Language. 2003.

Информация об авторах

Данилова Надежда Ивановна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник

Дьячковский Федор Николаевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

Information about the Authors

Nadezhda I. Danilova, Doctor of Sciences (Philology), Chief Scientific Officer

Fedor N. Diachkovskiy, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher

*Статья поступила в редакцию 09.07.2024;
одобрена после рецензирования 15.12.2024; принята к публикации 20.12.2024*

*The article was submitted 09.07.2024;
approved after reviewing 15.12.2024; accepted for publication 20.12.2024*